

— Этот подлец! — Хань Чжун не смог сдержать гнева.

Те две чайные плантации старый хозяин приобрел, вложив целое состояние, а эти неблагодарные потомки осмелились их отбирать!

Хань Мяо, однако, не испытывал особого гнева и лишь сказал:

— В Восточной столице можно начинать действовать.

У такого жадного и высокомерного человека вряд ли есть настоящий талант. Сяо Нянь перешел на его сторону только недавно, и после этого стычки, скорее всего, Хань Линь начнет его подозревать, что затруднит его действия. Сегодняшняя встреча была нужна для того, чтобы посеять между ними недоверие и отвлечь их внимание. Когда заложенные шпионы активизируются, чайному дому семьи Хань придется туго.

Хань Чжун тут же кивнул:

— Старый слуга сейчас же займется этим!

Хань Мяо слегка кивнул и большими шагами направился к выходу.

□

— Наставник, рассвело, пора завтракать.

Знакомый голос раздался у самого уха. Чжэнь Цюн неохотно перевернулся на холодной циновке, немного поворочался и наконец с трудом поднялся. Перед ним уже стояли таз с водой и зубная щетка. Он даже не взглянул на милостивую служанку рядом, сначала протер лицо полотенцем, затем взял щетку, обмакнул ее в зубной порошок и сунул в рот.

Сухой и странный на вкус зубной порошок коснулся языка, и Чжэнь Цюн окончательно проснулся. С гримасой отвращения он небрежно почистил зубы, тут же набрал в рот воды и выплюнул все остатки. Лизнув зубы, на которых сохранился странный привкус, Чжэнь Цюн с поникшим лицом спросил:

— Разве нет зубной пасты с другим вкусом?

Слуга Аньпин, стоявший рядом, улыбнулся:

— Зубная паста, конечно, есть, но её делают из ивовых веток, она горькая и невкусная, даже хуже этого порошка. Порошок, который используете вы, приготовлен в нашем доме, в него добавлен жемчужный порошок, даже старая госпожа Хань его любит.

— Эх, ладно. Принесите мне миску сладких шариков с фасолевой пастой, чтобы освежить рот, — вздохнул Чжэнь Цюн. Видимо, дело в привычках. В зубной порошок добавляли жемчуг и травы, но он был странным на вкус и сильно царапал зубы. Если бы это было в обычное время, он бы не обратил внимания, но в последние дни он съел слишком много сладостей, и если не чистить зубы как следует, вдруг они испортятся?

Аньпин уже хорошо изучил вкусы этого наставника и вскоре принес завтрак. Там были не только сладкие шарики, но и тарелка квадратных лепешек, испеченных с медом и свиным жиром — они были особенно сладкими и вкусными.

Чжэнь Цюн не церемонился и начал с хрустом уплетать. Лепешки были обжарены до хруста,

откусив, крошки сыпались в миску, смешивались с горячими ароматными шариками из клейкого риса с фасолевой пастой. Это было просто божественно!

Съев всё до крошки и погладив круглый живот, Чжэнь Цюн с удовлетворением вздохнул:

— На обед буду есть курицу с пятью специями, запеченную в глине, и рыбную похлебку.

Аньпин уже привык к манере наставника думать о следующей еде, как только доест текущую, и с улыбкой согласился, затем добавил:

— Старая госпожа Хань вернулась из храма и хочет пригласить наставника побеседовать.

Поскольку она перестала искать золотую пилюлю, старая госпожа Хань выбрала новый путь поклонения божествам и отправилась в храм Чаоюань, славящийся методами внутренней алхимии, чтобы помолиться. Она только что вернулась. Услышав, что внук пригласил даосского наставника Чжэня в дом, она очень обрадовалась и сразу захотела увидеть этого «бессмертного отрока».

В последние дни Чжэнь Цюн просиживал в новой алхимической лаборатории, целыми днями ел, спал и все остальное время занимался выплавкой пилюль, почти не видя хозяина дома. Услышав это приглашение, он не мог отказаться, поэтому согласился и даже специально переоделся в опрятное даосское платье, прежде чем пойти с Аньпином.

Старая госпожа Хань уже позавтракала и занималась гимнастикой даоинь во дворе. Увидев даоса Чжэня, она тут же улыбнулась:

— Не ожидала, что Амяо сможет пригласить наставника. Это моя недосмотренность, надо было сразу попросить наставника остаться.

Кхм, если бы она попросила тогда, он, возможно, и не согласился бы. Всё из-за того, что храм Чанчунь был слишком беден, и там не было мяса, что заставило его спуститься с горы.

Чжэнь Цюн сделал вид, что скромничает:

— Я умею только выплавлять пилюли, и для меня большая честь, что господин Хань меня пригласил.

И правда, это было счастье. Если бы он не спустился с горы, разве мог бы он есть сладкое, когда захочет, и соленое, когда вздумается?

Услышав эту скромность, старая госпожа Хань обрадовалась еще больше:

— Если наставнику нравится, то очень хорошо. Только дворик, который выделил Амяо, слишком удален. Может, переберетесь во внутренний двор, поближе ко мне?

Двор старой госпожи Хань был лучшим в усадьбе Хань, соседние с ним — тем более. Однако Чжэнь Цюн был вполне доволен своим жильем и объяснил:

— Мой дворик как раз подходит. Если вдруг печь для пилюль взорвется, это не потревожит вас, матушка.

Взорвется? Лицо старой госпожи Хань застыло, и она осторожно спросила:

— Как же печь может взорваться?

— Если неправильно положить ингредиенты, она взрывается. Некоторые вещества расплавляют сосуд, другие выделяют ядовитый дым, а внезапное возгорание тоже не редкость... — Это было обычным делом в алхимической лаборатории. Если печь ни разу не взорвалась, смеешь ли ты называть себя алхимиком?

Однако, сказав это, Чжэнь Цюн вдруг заметил, что лицо старой госпожи Хань изменилось. Ой, проговорился! Эта старушка, кажется, робкого десятка, и если она решит, что алхимия опасна и откажется выделять средства на его содержание, что тогда?

Чжэнь Цюн весь напрягся и тут же начал исправляться:

— Конечно, это ошибки новичков. В моем искусстве алхимии я неплох, так что вряд ли взорвется!

Старая госпожа Хань с сомнением посмотрела на него и нерешительно спросила:

— Наставник говорил, что пилюли нельзя принимать внутрь, так зачем же заниматься такими опасными вещами? Если поранитесь, что тогда?

Только начал нормально питаться несколько дней назад, как тут позволять кому-то сомневаться в его мастерстве! В голове у Чжэнь Цюна всё закружилось, и вдруг он придумал оправдание, поспешно сказав:

— Путь алхимии, безусловно, очень полезен! Если вы не против, я могу изготовить зубную пасту, она будет скользкой и приятной во рту, совсем без запаха!

— Зубная паста? Это похоже на зубной порошок? — с недоумением спросила старая госпожа Хань. Она родилась в богатой семье и с детства пользовалась зубным порошком, зубной пасты она действительно не видела.

— Именно! — Чжэнь Цюн ответил с уверенностью. — Зубной порошок по сравнению с ней — суший пустяк! Если вы воспользуетесь хорошим рецептом, это поможет сохранить зубы.

Уже в том возрасте, когда зубы начинают выпадать, старая госпожа Хань тут же заинтересовалась:

— Не знаю, что нужно для изготовления этой зубной пасты?

— Просто некоторые травы и ароматические вещества, — Чжэнь Цюн раузе и сглотнул слюну. — И еще две свиньи, чем жирнее, тем лучше!

В последние дни Хань Мяо был очень занят. Каждый день, кроме утреннего приветствия бабушки, он почти не оставался дома. То он инспектировал несколько лавок Си Хань, проверял счета и наводил порядок, то устраивал банкеты для других богатых купцов и чиновников, создавая видимость подготовки к каким-то действиям.

Эти действия, конечно, были нужны для того, чтобы заставить Хань Линя и других быть настороже и направить их внимание на Аньян и даже на более отдаленные пограничные рынки. Чем больше они будут наготове, тем легче угодить в ловушку.

Именно из-за этих мирских дел он и забыл о молодом даосском наставнике, которого недавно пригласил в дом, пока слуга Аньпин не пришел к нему.

— Наставник Чжэнь хочет изготовить зубную пасту? — Услышав эту новость, Хань Мяо был крайне удивлен. Разве он не алхимик? Почему вдруг решил делать зубную пасту?

Аньпин поспешил объяснить:

— Он упомянул об этом, когда разговаривал со старой госпожой. Наставнику, кажется, не нравится наш зубной порошок, поэтому он решил сделать пасту. Еще он попросил немного мяты и свежего чая, эм... и двух жирных свиней...

Мята и чай были вполне нормальными, но «жирные свињи» заставили почесать затылок. Хань Мяо не удержался и спросил:

— Он хочет есть свинину?

Хань Мяо немного знал характер этого молодого наставника. Свинина стоила очень дешево, и в доме Хань её никогда не ели, для почетных гостей подавали только баранину или курятину с уткой. Но если наставник в ранние годы жил в бедности и пристрастился к свинине, то это можно понять. Внезапная страсть к еде — дело житейское.

Аньпин тут же замотал головой:

— Старая госпожа тоже спрашивала, но наставник наотрез отказался, сказав, что это для алхимии.

Как же свињи могут быть связаны с алхимией? Даже будучи рассудительным и степенным, Хань Мяо не мог подавить любопытство. Подумав, он отложил в сторону счетную книгу и встал:

— Пойдем, посмотрим.

Аньпин, будучи слугой Хань Мяо, хорошо знал характер хозяина и сразу же пошел за ним. Они вышли из кабинета и шли примерно четверть часа, пока не добрались до того уединенного дворика. Но даже не войдя в него, они почувствовали сильный запах жареного мяса, доносящийся со двора.

Аньпин:

— ...

Хань Мяо:

— ...

Хань Мяо чуть не рассмеялся и сердито посмотрел на слугу рядом. Этот запах, если не свинина, то что? Говорил такие красивые слова, а в конце концов всё просто из-за страсти к еде?

Покачав головой, Хань Мяо шагнул во дворик и спросил служанку, которая вышла ему навстречу:

— Где наставник Чжэнь?

Авторский комментарий:

Даосский наставник Чжэнь: Свиньи действительно нужны для алхимии... (—□—)

<http://bllate.org/book/16827/1547205>